

Посвящается моему мужу Роберту

ПРОЛОГ

Девочка смотрела, как копает отец. В полях было тихо. Хетти и Лайла вместе с другими деревенскими женщинами в доме готовили тело к погребению, Гарет с утра бродил по склону горы, и Рори работал на противоположном конце могилы, расширяя ее, пока их отец копал все глубже. Зимой в высокогорье было холодно, ветрено и слегка влажно.

— Мама пойдет туда? — спросила девочка.

Ее отец на мгновение замер, вытирая пот с шеи.

— Да.

— А ребенок тоже пойдет сюда, если умрет?

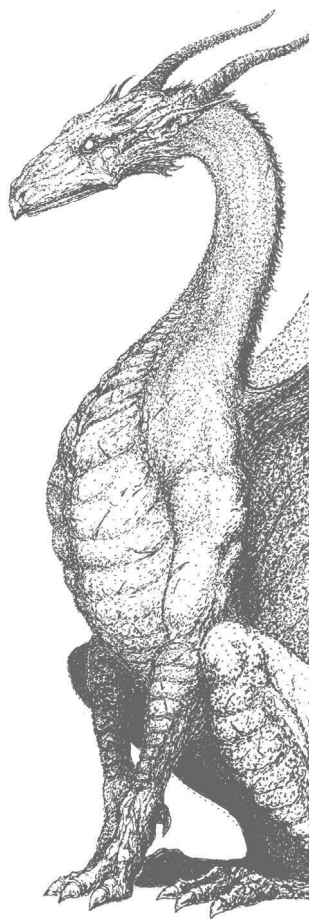
Отец помолчал чуть дольше, прежде чем ответить:

— Да.

— Иди в дом, Энни, — сказал ее брат Рори, его голос сорвался! — Иди в дом к женщинам!

— Ребенок убил маму?

— Да! Отправь ее в дом!

— Рори, передохни.

Рори бросил лопату. Девочка не сводила взгляд с лопаты, пока Рори торопливо шел прочь по полю.

— Я могу копать, — сказала она.

Могила была уже настолько глубокой, что поглотила бы ее, если бы она забралась внутрь, но ей не было страшно. Ее отец, который всегда чувствовал, когда она пыталась разобраться в том, что происходит, выбрался из ямы и присел на край рядом с ней.

От него пахло землей и потом, его борода коснулась ее щеки, когда он прижал ее к себе. Две лопаты были прислонены к его колену.

— Ребенок не убивал твою мать, — сказал он. — Маму убил голод. Хозяева убили ее, когда забрали нашу еду.

Но девочка все еще думала, что ребенок может быть виноват. Этот ребенок стал причиной боли и крови. Не хозяева. Но она подумала, что отец не хочет этого слышать.

— Тебе очень грустно, па?

Рори приказал бы ей прекратить задавать вопросы. Но Рори сейчас стоял на другом конце поляны, глядя на раскинувшуюся внизу долину. А папа всегда отвечал на ее вопросы, даже на те, из-за которых ему приходилось надолго замолкать, закрыв глаза.

— Грустно, — наконец сказал папа. — И я очень рассержен.

— Ты это не показываешь?

— Я это не показываю.

До поборов это был их рефрен. Когда наш хозяин приходит, что бы ты ни чувствовал, не показывай это. Ты держишь это внутри, потому что так безопаснее всего.

Отец взял ее руку в свою и указал ее пальцем на неровную землю рядом с ними:

— Рядом с этой могилой найдется место и для меня. А также для твоих братьев и сестер.

Она не заплакала. Она не показывала своих чувств.

— Нет, — ответила она. — Пока нет.

— Пока нет, — согласился отец.

Она услышала, как он произнес эти слова, и тут же передумала.

— Никогда, — заявила она.

От удивления у него заурчало в животе.

— Мой маленький жаворонок, моя Небесная Королева! — воскликнул он. — Ты еще слишком молода, чтобы раздавать приказы.

Это было глупо, потому что она не была королевой и не могла отдавать приказы, но она лишь еще сильнее прижалась к нему и не засмеялась в ответ. Когда он провел рукой по ее волосам, его широкая ладонь полностью закрыла ее голову.

— Твоя мать когда-нибудь говорила тебе, что у тебя ее волосы?

Девочка коснулась своей челки.

— У меня свои волосы, — сказала она.

Он улыбнулся, морщинами покрылось все лицо, борода пошла рябью. Уже несколько дней она не видела его улыбку.

— У тебя свои волосы, но они от нее, — сказал он. — Темные, как земля, рыжие, как пламя. Ты носишь ее в себе.

Она запустила палец в волосы, накручивая на него локон, и подумала: «У меня с собой частичка моей матери. Тайная частичка». Когда отец заставил ее встать и приказал, чтобы она шла в дом и помогла женщинам, она повиновалась. Ее отец закончил копать могилу в одиночку. Ребенка, который умер вскоре после рождения, похоронили рядом с матерью.

Когда зиму сменила весна, а весну — лето, ее сестра Лайла взяла на себя обязанности матери, а обязанности Лайлы перешли к ее сестре Хетти и к ней. Лайла заплетала им волосы, как это делала их мать. Тайком от Рори, Лайлы и папы они с Хетти иногда играли в ста-

рую игру «мама и малыш», но теперь от этой игры веяло отчаянием. Как будто притворство могло вернуть маму обратно.

— Нет, ты должна говорить так, как говорила мама, — требовала Хетти.

Но она не могла вспомнить, как именно мама это говорила.

— У меня мамины волосы, — заявила она Хетти, которая не унаследовала мамины волосы.

Хетти разрыдалась. Она наблюдала, не показывая своих чувств, потому что так было безопасней. Она спросила Хетти, не хочет ли та поиграть в другую игру, и Хетти проглотила слезы, вытерла глаза и кивнула. И тогда они затеяли игру в «сожги деревню», и она позволила Хетти быть повелителем драконов.

В течение нескольких теплых месяцев у них было достаточно еды, чтобы не голодать, но этого не хватало для уплаты налогов и запасов на зиму. Снова нагрянула беда. В конце лета, когда в ее унаследованных от мамы волосах появились золотистые прядки от жаркого солнца, в небе снова показались драконы-грозовики. Повелители драконов возвращались в свои загородные поместья на время сезона, и скоро начнется сбор урожая.

В доме Дона Маки, одного из деревенских предводителей, мужчины Холбина добавили последний указ глашатаю к куче извещений, присланных от имени Леона Грозового Бича и Дракархии Дальнего Нагорья. Девочка, незаметно проскользнувшая мимо мужчин, изучала этот указ, как и предыдущие, стоя на коленях на длинной скамье Маки между отцом и Рори. Мужчины говорили о подвалах, о тайниках и собранной провизии, о том, сколько и что можно спрятать, но она не слушала.

— Слишком рискованно, — заметил Дон Маки.

— Так же, как и еще одна зима после потери урожая, — ответил ее отец.

— Что значит «ослужание»? — спросила девочка.

— Ослушание, — машинально поправил ее отец. — Это когда ты не подчиняешься своему господину.

— Сайлас, — сказал Дон Маки, кивнув на нее, — взгляни-ка на свою дочь.

Мужчины молча наблюдали за девочкой, которая водила пальцем по написанному указу, ее губы шевелились, когда она вспоминала слова глашатая. Она незаметно делала это на их собраниях уже несколько месяцев, прячась в тени отца. И теперь достаточно понимала большую часть слов на странице, чтобы разбирать символы и превращать их обратно в звуки.

— Она не?..

— Я думаю, что да.

Папа провел пальцем по верхней части страницы:

— Что здесь написано, Антигона?

Девочка подвинула его палец с правой стороны пергамента на левую.

— Это начинается здесь, — сказала она.

После этого случая отец специально приводил ее на все собрания. Мужчины Холбина были ей рады. Не потому, что у них было что-то новое, что она могла им прочитать, а потому, что она стала в некотором смысле их талисманом. Эта крошечная девочка с длинным и сложным именем, которая разбиралась в буквах не хуже любого господина. Иногда развлечения ради они заставляли ее читать старые указы. Иногда отец сажал ее на плечи, чтобы отнести домой, и она чувствовала себя достаточно высокой, чтобы коснуться летних звезд, и представляла, что парит высоко, словно драконы, которые кружили в небе.

— Ты притворяешься, — говорил Рори. — Папа верит, что ты умеешь читать, потому что ты его любимица.

Первая часть задела ее больше всего, потому что это была неправда, но она понимала, что Рори ревнует ее к отцу.

— Это не так, — ответила она.

Когда она рассказала об этом Лайле, сестра сказала ей, чтобы она не обращала внимания на Рори. Ему было горько, потому что он был маминым любимчиком, а теперь ее не стало.

Она заметила, как именно Лайла это сказала.

— А чья ты любимица? — спросила она Лайлу, заплетавшую косу.

— Ничья, — ответила Лайла после минутного раздумья.

— Тогда ты будешь моей любимицей. А Хетти может быть твоей, а Гарет — любимцем Хетти, так что все будет по справедливости.

Она испытала радость, приняв это решение. Это напомнило ей весы, которыми пользовался секретарь хозяина в день сбора податей, только она представляла себе не две чаши, а пять. Лайла, Рори, Хетти, Гарет и она. Все они представляли идеальный баланс вместе с тем, кто любит их.

— Ах ты глупышка, — сказала Лиля с улыбкой в голосе и перевязала косу. — Ты не можешь сделать так, чтобы все было по справедливости.

Приближался день сбора податей. Погреба были вырыты, заполнены припасами и спрятаны. Мужчины спорили о том, сколько можно отложить и безопасно припрятать. Погреб папы оказался самым большим из всех, и он поклялся на могиле своей жены, что ни один его ребенок не будет голодать этой зимой. Мальчики упражнялись в поклонах, девочки — в реверансах, а папа на всякий случай проверял, хорошо ли они знают Мольбы наизусть. Раньше этим занималась мама, и папе это очень не нравилось. В этом году эта обязанность перешла к нему, и он заставлял детей зубрить Мольбы до тех пор, пока дети не выучили все строчки наизусть. Мама всегда уверяла их, что эти знания никогда не понадобятся, но папа не

дал им такого обещания. Вместо этого он добавил свои собственные детали к этому уроку:

— Они смотрят, как мы преклоняем колени, видят наши затылки и думают, что мы сдались. Они не понимают, что на коленях можно думать так же ясно, как и стоя с поднятой головой.

Они тренировались перед домом. Дверь в потайной погреб была скрыта камышом в трех метрах от них. Дети стояли на коленях, а отец стоял перед ними, изображая их господина. До этого момента дети постоянно хихикали, видя, как Хетти и Гарет толкают друг друга в бок, стараясь при этом сохранять невозмутимость. Но после последних слов папы все проказы прекратились. Они почувствовали, как серьезность происходящего буквально пригвоздила их к земле.

— Рори, — спросил папа у своего стоящего на коленях сына, — о чем ты думаешь?

— Я думаю о зерне, которое мы спрятали и о котором не знает мой господин, не знает, что мы спрятали его в безопасности, — ответил Рори, уставившись в землю.

Папа двинулся дальше, задавая тот же вопрос каждому ребенку.

Когда он спросил Антигону, она ответила:

— Я не показываю то, о чем думаю и что чувствую.

Она не поднимала глаз от земли и не могла видеть выражения лица своего отца.

— Хорошо, — сказал он.

В день поборов папа и Рори потащили телегу, груженную зерном и другими подношениями, по тропинке в центр деревенской площади. Лайла несла корзинку с хлебом, а младшие дети замыкали шествие. Дракон уже сидел на своем насесте, отбрасывая огромную тень: это был огромный грозовик с красными кончиками крыльев и алым гребнем. Лайла сказала им, что смотреть на дракона — плохая примета, но когда сестра отверну-

лась, она рискнула поднять взгляд на огромного грозовика и увидела, что он в ответ, прищурившись, смотрит на нее. Она почувствовала, как страх волнами накатывает на нее, но в то же время здесь было что-то еще. Волнение.

Когти, крылья, сверкающая чешуя делали его самым красивым животным, которое она когда-либо видела.

Очередь двигалась медленно. Их повелитель не торопился, спрашивая каждого члена семьи, милостиво улыбаясь и мягко произнося слова на каллийском. Когда подошло время ее семьи, их повозку подкатили к дому для осмотра, пока они отвешивали поклоны, в которых так долго практиковались.

Она затаила дыхание, когда секретарь назвал господину цифры. Заметит ли он, что их подношение представляет собой лишь часть того, что они спрятали в подвале? Секретарь нахмурился над цифрами и уже собирался задать вопрос Леону, когда внимание господина привлекло что-то еще.

— Твоя жена, — сказал он. — Почему ее здесь нет?

Сайлас стиснул пальцы на груди.

— Она умерла, ваша светлость, при родах.

Она заметила, что он не назвал причину смерти, о которой рассказывал ей. Он не упомянул ни голод, ни бедствия, ни налоги Леона.

— Мне жаль это слышать, Сайлас, — сказал Леон.

И он действительно выглядел так, будто ему жаль. У него были очень добрые серые глаза, которые смотрели на встревоженную семью Сайласа, сгрудившуюся у него за спиной. Секретарь молчал, поджав губы.

— Она оставила после себя прекрасную семью, — сказал Леон.

— Спасибо, господин.

— Все ли они были представлены мне? Самая младшая?..

— Простите меня, мой господин, я сам не свой. Это Антигона, которая только что достигла разумного возраста.

В этом не было необходимости, но Лайла надавила ей на спину, когда она еще сильнее присела в реверансе под взглядом серых глаз повелителя.

— *Антигона, — задумчиво произнес Леон. — Это имя из драконьего языка.*

Он говорил задумчиво, и по мере того, как его любопытство росло, не осталась равнодушной и его самка, сидевшая наверху. Она вскинула голову, ее гребень слегка приподнялся, словно по ее спине пробежала рябь, когда она, обернувшись, уставилась на своего наездника и на семью, с которой разговаривал хозяин. Почувствовав интерес дракона, она ощутила, как шея покрылась гусиной кожей, однако из ноздрей самки не валил дым, не было никакого предупреждающего знака. Дрожащим голосом отец ответил:

— *Я услышал это имя в песне. Прошу прощения, мой господин, надеюсь, это не оскорбит вас.*

— *Вовсе нет. Мне нравится думать, что гордые имена, которые носят мои крепостные, лишь укрепят величие Дома Грозových Бичей.*

Сайлас поклонился. Дракон опустил голову, и его глаза снова закрылись. Леон сказал девочке:

— *У меня есть сын чуть старше тебя.*

— *Повелитель, — ответила она, не отрывая глаз от его великолепных сапог.*

Леон Грозовой Бич кивнул своему секретарю, который недовольно закатил глаза к безоблачному небу. Секретарь взял два батона хлеба из корзины с их подношениями и, сунув их в руки Антигоне, объявил на ломаном каллийском с четким дворцовым акцентом:

— *В знак соболезнования утрате вашей семьи.*

Она крепко обхватила руками возвращенный хлеб и сделала реверанс перед своим господином, не показывая своих чувств. Сайлас хрипло произнес:

— *Прошу моего господина принять благодарность своего слуги за незаслуженную доброту.*